

БЕЛОЕ

Снова вижу белое зарево
В подмосковной стыни берез,
Где гуляет хозяином-барином
По распадкам февральским мороз.

Беспечальные до отчаянья
Перелески прозрачней стекла.
И душа моя неприкаянная
К людям ластится, ищет тепла.

Звал ее я по белым распадкам,
Поздно понял – не дозовусь.
Где-то бегают, где-то падает...
Бог с тобой, без души обойдусь.

* * *

Женщина, мое величество,
Царствие твое вовек!
Женщина, мое величество,
У ног твоих человек.
У ног твоих – раб убогий,
Никак кандалы не снять,
Женщина, снятый бог мой,
Благослови меня.
За руки возьми белые
И уведи с собой...
Тебя в благодарность сделаю
Вечной своей рабой.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Еще в полях пустынных спит весна,
Но лес февральский спит наполовину.
Как будто разрешится тишина
Вот-вот протяжной трелью соловьиной.

Древны дубы на берегу реки,
Но сок их, как и прежде, первороден.
И набухают тяжестью соски
Земли моей в предчувствии плодородья.

МЫСЛИ В ЛЕСУ

Все будет так, как есть. Со мной и без,
С лыжней, куда-то от меня спешащей.
И стал мне страшен этот черный лес,
Пронзительной враждебностью дышащий.

И жуткий смысл его не бытия,
А мыслей я узнал и содрогнулся.
Он прочитал меня, и как судья
В свод вечности законов окунулся.

Вот-вот поднимет беспощадный взор,
Увидит пыль на месте человека
И огласит суровый приговор –
Мой след сметя с лица Земли!
Навеки!

СКРИПКА НА КЛАДБИЩЕ

И нет от печали спасенья –
В прохладе закатной зари
На кладбище по воскресеньям
На скрипке играет старик.

Играет он перед могилой,
Упрятанной в серый гранит,
Где девушка с профилем милым
С портрета на вечность глядит.

Что хочет он музыкой странной
Спросить или, может, понять?
Как будто бы долг невозвратный
Кому-то возжаждал отдать.

Взлетают и падают звуки,
Зовут или гонят весну?
Не бледные руки, а муки
Терзают мольбою струну.

И страшная правда прозренья
Такой прорастает мольбой,

Как будто он просит прощенья
За то, что прощает лишь Бог.

И все же, и все же, и все же
Я жду за оградкой простой.
Ведь вечность не даром тревожит
Судьбу стариковской рукой.